

УДК 304

А.В. Иванов, С.М. Журавлева

Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул

ФИЛОСОФИЯ РОССИЙСКОГО СЕЛА: ПРИРОДНЫЙ, КУЛЬТУРНЫЙ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Использование ресурсов природы для обеспечения себя продовольствием, а также сырьем для ремесленного и промышленного производства, составляло и составляет основу жизни человеческого сообщества. Без совершенствования различных форм хозяйствования на земле человек не смог бы выжить и развивать все другие формы своей деятельности. Исторически именно сельское поселение предшествует городу; а собиравательство, земледелие и скотоводство делают возможным как развитие ремесла, так и разделение умственного и физического труда. И сегодня, вопреки всем разговорам о постиндустриальном обществе, без сельскохозяйственного сырья не может успешно действовать промышленность, а без продовольствия и рекреационных (восстанавливающих здоровье) услуг, поставляемых из сельской местности, не может протекать жизнь в городах. Кроме того, село и сельские жители всегда являлись и являются важнейшими *хранителями культурных традиций* народа и его исторической памяти.

Не будет преувеличением сказать, что сельский труд и сельское поселение являются *базовым условием целостного воспроизводства человеческой жизни и культуры на Земле*. Не промышленное производство, не торговля, и уж конечно, не финансово-ростовщическая деятельность, а именно труд крестьянина в полной мере отвечает критерию **подлинного хозяйствования** в мире, где главной задачей является вовсе не получение прибыли и не самоценный экономический рост (что составляет суть современной экономической системы, неуклонно скатывающейся к краху!), а решение триединой стратегической хозяйственной задачи:

- *воспроизводство здоровой телесной жизни человека* благодаря разнообразным и качественным продуктам питания;
- *воспроизводство гармоничных социальных отношений между людьми*, где доминируют не конкуренция, а сотрудничество и товарищеская взаимопомощь;
- *воспроизводство природных условий человеческого существования*, ибо быть здоровым и успешно хозяйствовать невозможно в условиях деградирующей окружающей среды.

Неслучайно, такие выдающиеся отечественные мыслители, как философ и экономист С.Н. Булгаков в своей знаменитой книге «Философия хозяйства», а также экономист и географ П.Н. Савицкий в работе «Хозяин и хозяйство», экономическому человеку (*homo economicus*), заинтересованному лишь в получении денежных доходов любой ценой, противопоставили подлинного (или «доброе») хозяина, который, «наряду с целью получения дохода, ставит как самостоятельную цель сохранение и расширение довольства работающих в хозяйстве людей, поддержание и повышение порядка и качества обнимаемых рамкой хозяйства скотов и вещей...» (Савицкий,

1997. С. 222). Поясняя свою мысль, П.Н. Савицкий далее пишет, что «лошади, телеге, машине и постройке хозяин стремится обеспечить возможную долговечность, а для каждого данного момента – наилучшее состояние; землю же (а в лесном хозяйстве и произрастание ее) к концу каждого производственного цикла хозяин стремится оставить в состоянии, с хозяйственной точки зрения, не худшем, а по возможности – лучшим, чем то, в котором она вступила в производственный цикл» (Там же. С. 222).

Главная задача хозяйствования на земле не меняется радикально в истории, не зависит коренным образом от господствующих социально-экономических отношений (феодалных, капиталистических или социалистических) и уровня технического прогресса, это – **обеспечение существования человека не только как телесного и социального, но и как культурного существа, ибо нельзя быть человеком, не любя свою родную землю и духовные ценности своего народа, не передавая по наследству детям и внукам традиций рачительного хозяйствования и общежития.** С этих позиций любая деревня и село – это не только пашни, леса и огороды; но родительский дом с незабываемыми приметами быта и родовым образом жизни; окрестности, где прошли годы детства и юности; могилы отцов и дедов; память о выдающихся земляках, о событиях собственной и общественной исторической жизни.

Сельское сообщество в его исконном смысле - это сообщество близких по мироощущению и ценностям людей – целый **мир**, как органическая и полноправная часть огромного человеческого и природного мира. Неслучайно русское слово «мир» (в смысле целой Вселенной) явно сопрягается и с отсутствием вражды между людьми и народами, и с понятием общины, которая до революции называлась «миром». Кстати, и само мудрое русское слово «вселенная» явно указывает не на физическое и безжизненное, а именно на живое пространство мироздания, в которое мы «вселены» на правах его органической и деятельной части.

Разрушение этого органического крестьянского мира через его сугубую коммерциализацию и насаждение конкурентных отношений неизбежно ведет к истощению природных ресурсов, к социальному отчуждению между людьми и культурной деградации деревни и в конечном счете - к подрыву основ человеческого существования на Земле. Еще во второй половине XIX-го века великий русский консерватор К.Н. Леонтьев, созерцая разрушительные плоды капиталистической вестернизации России, писал, что «построилось вдруг множество железных дорог; стали вырубаться знаменитые русские леса; стала портиться почва; начали мелеть и великие реки наши. *Эмансипированный* русский человек восторжествовал над своей родной природой, он изуродовал ее быстрее всякого европейца» (Леонтьев, 1993. С. 319).

Нечто подобное в отношении родной природы мы наблюдаем и сегодня, чему наглядное свидетельство – горы мусора в российских городах и в глубинке. Что же касается межличностных отношений на селе, то по данным социологических исследований в Алтайском крае, число молодых семей в сельской местности, получающих помощь от родителей и родственников, увеличилось с 21% в 2002 до 44 % в 2011, а вот если помощь от односельчан в 2000-х годах получали от 4 до 6% молодых пар, то в 2011 году - менее 3% (Решетникова, 2012. С. 18). Все это свидетельствует о серьезном кризисе традиций крестьянского общежития, и говорить о ведении целостного хозяйства на селе в указанных выше смыслах пока явно не приходится.

Понятно, что любое национально ориентированное государство рано или поздно должно повернуться лицом к своему селу, от благополучия которого зависит благополучие страны. Но здесь необходимо учитывать, по крайней мере, два принципиальных момента.

1) Прогресс современного общества подразумевает не только развитие информационных технологий и наукоемкие производства, но, в первую очередь, – именно развитие экологически ориентированного и наукоемкого сельского хозяйства. Село –

подлинный локомотив развития экономики, учитывая, что каждое рабочее место в земледелии и животноводстве обеспечивает организацию 6-7 рабочих мест в промышленности (Макарычев и др., 2012. С. 80). А есть, о чем говорилось чуть выше, еще и незаменимые экологические, рекреационные и культурные услуги, оказываемые деревней городу, цена на которые неуклонно растет по всему миру.

2) Село нельзя и не нужно превращать в город. Его развитие должно идти по законам, диктуемым вековой спецификой крестьянского хозяйствования, быта и мировоззрения. Не исключено также, что близится исторический реванш села по отношению к городу, и именно *сельские быт и тип хозяйствования будут определять лицо всей человеческой цивилизации в ближайшем будущем*. Эмпирическое подтверждение этой зарождающейся тенденции – начало миграции образованного городского населения в сельскую местность (особенно в европейских странах с развитой инфраструктурой), бурное развитие эко- и агротуризма. Наличие Интернета со все возрастающим количеством специальностей, позволяющих зарабатывать на жизнь, не выходя из дома, делают сценарий перемещения массы городского населения в сельскую местность высоко вероятной перспективой будущего. Напомним также, что **источником практически всех духовных, социальных и психических болезней нашей цивилизации выступает именно город**, а не деревня, будь то глобальный экологический или продовольственный кризисы, возникновение войн и социальных переворотов, организованная преступность и проституция, санкционирование однополых браков или операций по перемене пола. Это заставляет вновь подробнее остановиться на качественных различиях между городом и деревней.

Сельский и городской образы жизни

Во-первых, качественно отличаются сами виды производственной деятельности в городе и на селе. Если городская промышленность – это преимущественно создание **искусственных** материальных объектов; то сельский труд направлен в первую очередь на использование **естественных** производительных сил природы, а также проявление ее скрытого творческого потенциала, как в случае выведения новых сортов культурных растений или домашних животных.

Во-вторых, городская культура является или средством развлечения и отдыха (массовая культура), или субъективного самовыражения и самоутверждения личности (элитарная культура). **Традиционная же духовная жизнь села связана с народной культурой. Ее главная цель - гармонизация взаимоотношений между человеком и природой, человеком и человеком.** Крестьянское народное творчество, религиозные верования и обряды преимущественно коллективны. Они обеспечивают непрерывность существования культурной традиции и духовную связь членов крестьянского мира. Невозможно также представить себе, чтобы народная культура оправдывала корыстолюбие, эгоцентризм или однополую любовь. Все это – порождения именно городской «культуры». Традиционная же культура села от праздничного хоровода до бабушкиной сказки утверждает и защищает вечные ценности человеческого бытия – *нестыжательство; моральную чистоплотность; верность и целомудрие в любви; культ здоровой семьи; право ребенка на светлый образ мира, где добро обязательно должно побеждать зло*. В каком-то смысле именно сельская культура всегда выступала хранителем духовной и физической нормы в обществе, оплотом в борьбе с разного рода культурными патологиями и маргиналиями. И эту функцию она обязана сохранить, не смотря на все современные кризисные явления.

В-третьих, городской быт, несмотря на весь свой комфорт, – это повседневное существование в среде рукотворной и искусственной, зачастую враждебной человеческому телу и психике. Это интуитивно ощущает человек. Отсюда такое стремление горожан к садовым участкам, разведению цветов, желание вырваться на природу в выходные дни и во время отпуска. Не случайно также все большей популярностью в мире

(особенно в скученной Японии) начинает пользоваться агротуризм, когда горожанин почитает за счастье хотя бы пару недель пожить в деревне и что-то вырастить в саду собственными руками. Кроме всего прочего, по мере развития технической цивилизации жизнь в городе сопровождается повышением различного рода шумов и физических излучений в связи с массовым распространением тех же персональных компьютеров, мобильных телефонов и смартфонов. Добавьте сюда бытовое и промышленное химическое загрязнение, переизбыток информации различного рода, перенаселенность и быстроту распространения различных эпидемий, - и неблагоприятность городской среды для человека станет очевидной. В будущем, подчеркнем еще раз, исход народонаселения из городов в сельскую местность, более равномерное распределение людских масс по лику Земли представляются неизбежными. Слишком агрессивна урбанизированная среда. Еще одним важным фактором, который будет способствовать развитию деурбанизационных тенденций, служит стремительно разворачивающийся по всему миру процесс становления так называемой **«зеленой экономики»**, ориентированной:

- на производство экологически чистых продуктов питания, на так называемое «органическое земледелие»;
- на сохранение местных выведенных сортов культурных растений и пород домашних животных;
- на тотальную экологизацию, ресурсо- и энергосбережение аграрного производства и быта;
- на развитие нетрадиционной энергетики;
- на сохранение традиционных культурных ландшафтов;
- на оказание городским жителям целого комплекса рекреационных услуг.

В-четвертых, городской и сельский образы жизни довольно значительно различаются между собой по пространственно-временным особенностям существования. Так, сельское пространство четко организовано по принципу «центр-периферия», где центром является личная усадьба и центр деревни (поселка). Этот культурный ландшафт не является чужим для людей, которые его населяют: он лично обжит и преобразован как их собственным трудом, так и усилием прежних поколений. К тому же сельская планировка в подавляющем большинстве случаев учитывает особенности строения ландшафта, органично вписана в него.

Что касается городского ландшафта, то он преимущественно искусственный, а не естественный, и создан чужими руками. Здесь отчасти сохраняется пространственная организация по принципу «центр-периферия» через оппозиции «центр города – окраина», «мой дом и двор – чужие дома и дворы», однако степень насыщенности и окрашенности этого ландшафта личностным элементом намного меньше. Кроме того, сама организация городского пространства (особенно западного типа)¹ носит во многом противоестественный и оттого бессознательно угнетающий человеческую психику характер с прямоугольниками домов и улицами, идущими параллельно и перпендикулярно друг относительно друга. В природе в принципе нет прямых углов и параллельных прямых, а царствуют овал и дуга; а в цветовой гамме преобладают не чистые цвета и их произвольные сочетания, а мягкие и гармоничные полутона. Словом, преобразование городской среды в естественную среду обитания – дело намного более трудоемкое, чем создание благоприятной среды для обитания человека в сельской местности.

Что касается временных аспектов существования, то городской житель существует преимущественно в стихии **социального времени**. Это время носит не циклический, а линейный характер. Оно необратимо, и в нем никогда и ничто не повторяет-

---

¹ Многие европейские города формировались на основе римских военных лагерей, где все было параллельно и перпендикулярно.

ся. Темпы его протекания все более убыстряются по мере развития человеческой цивилизации и роста информационных потоков в обществе. Здесь уместен образ «реки» или «потока» времени в виде бесконечной череды войн, социальных преобразований, смены политических режимов, научно-технических изобретений и достижения личных социальных целей. Критерием жизненного успеха в городе выступают или успешная карьера, связанная с возможностью удовлетворения властных амбиций, или материальное богатство со всеми соответствующими атрибутами, или же творческая, но при этом обязательно вещная самореализация в виде изданной книги, снятого фильма, построенного здания и т.д. Это - время вожделяющей социальной души человека, оторвавшегося от своих природных корней и поглощенного социальной жизнью.

Сплошь и рядом в стихии социального времени, в городской - профессиональной, уличной, да и семейной - суете у человека попросту не остается времени, чтобы взглянуть на звездное небо, задуматься о смысле жизни и попросту по-детски удивиться выпавшему первому снегу или цветению яблонь в городском парке. В потоке социального времени человек способен захлебнуться и утратить смысл собственного бытия. Часто, чтобы забыть о бессмысленности жизни, он отдается погоне за вещами и новыми зрелищами, телесными удовольствиями и бытовым комфортом, карьерными успехами и путешествиями. Все это отчасти оправданно, если человек знает, зачем он живет и что должен в этой жизни исполнить. К сожалению, современный город расставляет для людей массу жизненных ловушек и соблазняет ложными путями, где погоня за комфортом и чувственными удовольствиями превращаются в самоцель, карьера и вещи буквально «съедают» живого человека. Видный немецкий философ и биолог, лауреат Нобелевской премии, Конрад Лоренц в своей знаменитой работе «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества» (См. Лоренц, 1998) удачно назвал подобный тип городского существования «бегом наперегонки с самим собой».

В отличие от городского жителя, земледелец и скотовод живут в стихии доминирующего **природного (или космического времени) времени**, где семейная, хозяйственная и социальная жизнь органически вписаны в биосферно-космические ритмы и зависимости: смену времен года, дня и ночи, рождения и смерти, цветения и увядания. Здесь можно привлечь образ не реки, а космического колеса. Сельский житель рано встает и рано ложится, его хозяйственная деятельность и социальная жизнь жестко определяются циклами природной и, соответственно, хозяйственной деятельности, где надо вовремя выгнать скотину на пастбище, засеять поле и убрать урожай, накопить сено и засолить собранные грибы, помочь отелиться корове, осуществить осенний забой скота. Свадьбы и праздники, ремесленные работы и отхожие промыслы – все это подчиняется великому ритму вращающегося природного колеса. Здесь человек даже в современных условиях информационной цивилизации способен воспринимать себя как органическую и полноправную часть Вселенной, который своими трудами крепит живую связь поколений, видит плоды своих трудов и укореняется в структуре мирового целого. Здесь жизнь способна приобретать подлинный смысл и полноту, как бы противостоящую повседневной бессмысленной суете больших городов, где жизнь часто утекает, как вода между пальцев. На селе все знают друг друга в отличие от горожан, которые зачастую не ведают, кто является их соседом по этажу.

Ощущение глубинной гармонии крестьянского бытия с миром и собственной душой тонко подмечено и выражено в трудах выдающегося немецкого философа XX-го века Мартина Хайдеггера. В маленьком этюде «Проселок» он описывает дорогу своего детства, ведущую через родовые земли. «Велика опасность, что в наши дни люди глухи к речам проселка, – пишет Хайдеггер. – Шум и грохот аппаратов полонили их слух... Так человек рассеивается и лишается путей. Когда человек рассеивается, односложность простоты начинает казаться ему однообразной. Однообразность утомляет.

Недовольным всюду мерещится отсутствие разнообразия. Простота упорхнула. Ее сокровенная сила иссякла.

Вероятно, быстро уменьшается число тех, кому еще доступна простота – приобретенное достояние. Однако те немногие – они останутся; и так везде. Питаясь кроткой мощью проселочной дороги, они перестоят гигантские силы атомной энергии, искусно рассчитанные человеком и обратившиеся в узы, сковавшие его же собственную деятельность.

Настоятельный зов проселка пробуждает в людях вольнолюбие – оно чтит просторы и от печали не преминет перешагнуть в удобном месте к светлой радости, что превышает все. Она же отвратит их от той неладности, когда работают, лишь бы работать, потворствуя ненужному и ничтожному.

Светлая радость ведения цветет в воздухе проселка, меняющемся вместе с временами года... Кому она не дана, тому она навеки чужда. Кому она дана, у тех она от проселка. На пути, каким бежит проселок, встречаются зимняя буря и день урожая, соседствуют будоражащее пробуждение весны и невозмутимое умирание осени, и видны друг другу игры детства и умудренная старость. Однако в едином слитном созвучии, эхо которого проселок неслышно и немо разносит повсюду, куда только заходит его тропа, все приобщается к радости. Радость ведения – врата, ведущие к вечному» (Хайдеггер, 1993. С. 240).

Понятно, что такая радость и полнота крестьянского бытия и ведения – идеал, к которому надо стремиться. Реальная действительность того же российского села, к сожалению, не очень располагает к его принятию. Заброшенность полей и сел словно отражает заброшенность души современного крестьянина; а неустроенность его быта – символ общей неустроенности российского бытия. Однако эта ситуация – не повод для бездействия и пессимизма. **Надо ясно осознавать: социальное самочувствие российского труженика села – один из главных показателей здоровья общества в целом, и если плохо живется крестьянину – плохо всей стране.** Изменить ситуацию можно только совместными усилиями федеральных и региональных органов власти, самих жителей села и городских жителей, коммерческих и некоммерческих структур, зрелого и молодого поколения. Но для успеха преобразований российского села следует ясно понимать его природно-географическое и культурно-историческое своеобразие.

Специфика российского пространства и климата. Приоритет коллективистских традиций и форм хозяйствования на земле.

Россия вплоть до середины XX-го века оставалась страной преимущественно аграрной, причем сельскохозяйственная деятельность на ее территории отличается глубоким своеобразием по сравнению и с Западом, и с Востоком, что исключает какое-либо копирование чужеземных хозяйственных образцов. К сожалению, именно бездумное копирование западного аграрного опыта в 1990-е годы обернулось для российского села настоящей цивилизационной катастрофой.

Вначале несколько общих закономерностей и цифр, касающихся природно-географических особенностей России. Она занимает срединное пространство евразийского материка (почему территорию России иногда называют Внутренней Евразией), которое отличается и от пространства Европы, и от пространства Азии целым рядом существенных параметров:

- исключительной протяженностью и прозрачностью континентальных пространств с флагоподобным широтным расположением климатических зон (тундра – лес – степь – пустыня)², где плодородие почв убывает к северу и к югу, оставляя пригодным для земледелия в основном лесостепные и степные пространства;

² Что находит любопытное отражение в структуре нашего российского флага-триколора.

- суровостью климата и коротким временным периодом, когда можно вести сельскохозяйственные работы. Если в Англии и Франции «беспашенный период» охватывает только декабрь и январь, то в средней полосе России он длится семь месяцев (Милов, 1992). При этом среднегодовые температуры на пространстве России неуклонно понижаются от ее западных границ до Восточной Сибири;

- низким «коэффициентом биологической продуктивности почв». Если для России принять его за 100, то для Западной Европы он будет равен 150, США – 187, Индии – 363, Бразилии – 449, а Индонезии – и вовсе 523. Это означает, что при одних и тех же затратах труда и других ресурсов с одного гектара пашни в США получают в среднем в 1,87 раз больше растительной массы, чем в России (Лойко, 2000).

Суровость российского климата влечет за собой резкий рост издержек сельскохозяйственного производства в виде затрат на отопление помещений, увеличение доз кормления скота в зимний период, теплую одежду для всей семьи, высокие риски хозяйствования. Из этих очевидных фактов, если к ним добавить редкую заселенность российских континентальных пространств и большие издержки на транспортные расходы³, следует закономерный вывод об объективной невозможности рыночной конкуренции с сельским хозяйством Запада⁴ и необходимости организации жизни российского села на иных основаниях и принципах.

Так, кардинальное природно-географическое отличие России от Запада обусловило неизбежный приоритет общинно-коллективистских начал в хозяйствовании над индивидуалистическими; кооперации и взаимопомощи над капиталистической рыночной конкуренцией. Это прекрасно понимали наиболее дальновидные умы России, равно и славянофилы (А.С. Хомяков), и западники (Н.Г. Чернышевский). Л.Н. Толстой писал П.А. Столыпину письма об опасности разрушения общинного труда и быта. Д.И. Менделеев настаивал на необходимости такого пути развития промышленности в России, где были бы сохранены общинные и артельные начала. Неслучайно, что крестьянское хозяйство и общинные традиции оказались в России, в конце концов, более жизнеспособными, чем фермерское капиталистическое хозяйство, основанное на использовании наемного труда. Это наглядно доказала та же столыпинская реформа. «В результате нее были созданы условия для капиталистического землевладения, которое позволяло организовывать фермы, нанимать рабочих, получать прибыль. Но, вопреки давлению, крестьянство не исчезло, а оказалось жизнеспособнее, чем фермы. В 1913 г. 89% национального дохода, произведенного в сельском хозяйстве европейской России, приходилось на крестьянские хозяйства – в 10 раз больше, чем на капиталистические (по другим оценкам, для России в целом накануне Первой мировой войны доля крестьян по стоимости продукта в земледелии и животноводстве составила 92,6%). Фермы были менее эффективны, поэтому и помещики, и скупавшие землю кулаки не устраивали ферм, а сдавали в аренду крестьянским дворам» (Национальная идея России, 2012. С. 576).

Что касается современного развития фермерства в России, то оно явно не оправдывает ожиданий, возлагавшихся на него в 1990-е годы. Стало ясно, что фермер не может заменить крупные сельскохозяйственные предприятия. В 2008 году фермерские хозяйства получили 8,1% продукции сельского хозяйства с 18,6% всех посевных площадей в России, а в расчете на 1 га посевных площадей продуктивность сельхозпредприятий в 1,4 раза выше, чем у фермеров. Но дело не только в экономической эффективности. «На сегодня имеется исследованный многими школами опыт крестьянских

³ Транспортные издержки во внешней торговле за счет дешевизны морских перевозок по сравнению с сухопутными у России в 6 раз выше, чем у США.

⁴ Мы всегда будем проигрывать Западу по этим объективным причинам. См. аргументированную работу на эту тему (Паршев, 2000).

стран третьего мира. Он показывает, что образ жизни крестьянина (общинного и кооперированного) предоставляет человеку такие блага, которые не компенсирует более высокий денежный доход наемного сельскохозяйственного работника. Еще более важен факт, что модернизация через превращение крестьян в фермеров неизбежно выбрасывает из общества большое число крестьян. Такая модернизация, даже если она считается успешной с точки зрения монетаризма, разрушительна для общества и тем более для народа» (Национальная идея России, 2012. С. 578).

Насильственная капитализация российского села в 1990-е годы с направленностью на ликвидацию крупных коллективных предприятий в лице колхозов и совхозов, насаждением индивидуалистической психологии оказались **явно антихозяйственными и тупиковыми. В результате был нарушен естественный ход экономического, социального и культурного воспроизводства жизни на селе**, причем пострадало не только сельскохозяйственное производство, социальная и культурная жизнь самого села, но и все российское общество в целом. Если нищает село – деградирует весь социум, его экономика, природа и культура. Это объективная реальность, с которой необходимо считаться. Например, в результате депопуляции села на некоторых территориях европейской России (особенно между Москвой и Петербургом) оказались бесхозными леса, где участились пожары и размножились вредители (**прим. ред.: бесхозными леса России стали после введения безумного Лесного Кодекса в 2006 г., ликвидировавшего традиционную систему лесного хозяйства, успешно развивавшуюся в течение двух столетий в полном соответствии с русской ментальностью**); произошло зарастание полей и увеличилась эрозия почв; произошла утрата многих народных промыслов и хозяйственных традиций. В этих условиях село перестает выполнять и свои важнейшие функции сохранения культурных традиций (прежде всего нравственных); не выступает более в роли живого источника родной речи, уступая натиску городского жаргона и обезличенного языка средств массовой информации. Самое главное, оно все менее активно воспроизводит в своем живом культурном пространстве новых самобытных культурных творцов и гениев, типа Шукшина и Пырьева, Евдокимова и Золотухина в том же Алтайском крае.

Понятно, что необходимо намного увеличить государственное финансирование села, обеспечивая стратегическое техническое перевооружение и диверсификацию аграрного производства. Важно также сделать качественный скачок в развитии инфраструктуры сельских территорий для увеличения комфортности проживания людей. **Исключительно важна также ставка на многоуровневую сельскохозяйственную кооперацию, обеспечившую, например, той же Юго-Западной Сибири гигантский стратегический прорыв в конце XIX - начале XX-го веков.** Фактически именно сибирский кооперированный крестьянин кормил маслом русскую армию в годы Первой мировой войны, а во времена войны гражданской только кооперативные структуры обеспечивали связь между селом и городом, а также эффективное управление сельскими территориями. Богатый фактический материал, подтверждающий эти положения, был собран А.Г. и В.А. Сыщенко, обстоятельно исследовавшими историю сибирской и алтайской кооперации. «С 1916, и уж совершенно точно с 1917 года, - пишут эти авторы, - вся экономика Сибири легла на плечи кооператоров, частный капитал и частная промышленность свернули в этот период свою деятельность. Современники на страницах кооперативных изданий писали о том, что “частный капитал, знаменитый русский капитализм – утратил свою экономическую активность и роковым для него образом прекратил свое существование, с наступлением экономических трудностей конца 1916 и зимы и весны 1917 года закрыл предприятия, продал остатки оборудования, т.е. основных средств, “припечатал”, т.е. закрыл магазины и с туго набитыми кошельками отошел в сторону”. Это исторический факт, но народу надо было жить, шла война, надо было сеять и убирать хлеб, строить приюты для сирот... Всю тяжесть экономики воен-

ного времени взвалила на себя сибирская кооперация. Кооператоры ясно понимали, что государство переживает самую трудную, самую тяжелую полосу жизни и особенно остро нуждается в честной и энергичной поддержке. Уже с весны 1915 года война заставила израсходовать все заготовленные в империи ресурсы, с этого периода Сибирь стала дополнительным стратегическим источником сырья, в Россию хлынул поток сельскохозяйственной продукции. В 1916 году удвоился вывоз сливочного масла из Сибири по сравнению с 1915 годом, хотя уровень его производства сократился» (Сыщенко А.Г., Сыщенко В.А., 2003. С. 136).

Как свидетельствуют данные современной статистики, в условиях нарастания глобального экономического кризиса именно различные формы кооперации обеспечивают наилучшую выживаемость и конкурентоспособность производства, позволяют совместно противостоять неблагоприятным экономическим и природным факторам, которые оказываются губительными для каждого хозяйства в отдельности. Сейчас в мире насчитывается около 800 млн. членов кооперативов в более 100 странах Востока и Запада. С учетом членов их семей в сферу кооперативной деятельности втянуто около 3 млрд. человек.

Кооперативные формы организации труда охватили не только область хозяйственной деятельности, но также сферу услуг, образовательные, научно-исследовательские и культурные организации. В Финляндии в кооперативе ВАЛИО, основанном в 1905 году не без влияния успехов сибирской кооперации, сегодня трудится 160 тыс. человек, которые владеют 121 молочным заводом и перерабатывают 90% финского молока. Соединенные Штаты также переживают настоящий бум кооперативного развития. Кооперативы там объединяют свыше 100 млн. человек. Национальные кооперативы фермеров поставляют на рынок около 80% всего молока. При этом кооперативные общества имеют **ярко выраженную тенденцию к объединению в территориальные кооперативные системы и одновременно к формированию вертикальных кооперативных союзов, федераций, центров, осуществляющих управление кооперативным движением на уровне страны в целом.** Существуют ныне и транснациональные кооперативы, типа новозеландской компании «Фонтерра» (Кундиус, 2013. С. 18-19).

Подобные процессы объединения реальных производителей продолжают усиливаться на фоне всеобщего неприятия паразитического банковского капитала, толкающего теперь уже весь мир (а не только страны Африки, Южной Америки и Азии) в объятия неравенства и нищеты. Это предсказал еще наш выдающийся теоретик кооперации экономист А.В. Чайнов: переход к вертикальной кооперации, где кооперированию подлежат не только производство, переработка и сбыт продукции, но денежные операции, вложения в техническое обновление производства, переобучение членов кооператива и решение социально-культурных проблем, - это неизбежные формы активного сопротивления свободных крестьян-собственников их эксплуатации со стороны торгово-посреднического и финансового капитала. Кризис традиционных государственных, финансовых и социальных институтов заставляет сегодня простых граждан по всему миру, особенно живущих в сельской местности, именно кооперативно, сообща противостоять свертыванию государственных экономических, социальных и культурных программ и тенденции к установлению прямой диктатуры крупного транснационального капитала.

К сожалению, Россия, бывшая некогда лидером кооперативного движения и давшая миру выдающихся теоретиков кооперации (М.И. Туган-Барановский, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чайнов), не только существенно отстает в развитии современных форм кооперации, но и в значительной степени утратила тот идейный и хозяйственный потенциал коллективного ведения хозяйства, который был накоплен и до, и после Октябрьской революции. Классик кооперации М. И. Туган-Барановский писал: «Общество

должно до конца превратиться в **добровольный союз свободных людей** - стать насквозь свободным кооперативом. Таков социальный идеал, который полностью никогда не будет достигнут, но в приближении к которому и заключается весь исторический процесс человечества» (Туган-Барановский, 1989. С. 449).

Таким образом, именно **процессы кооперативной самоорганизации призваны сыграть ключевую роль в преобразении российского села**. Без энергии и инициативы самого живущего на земле человека – никакая помощь со стороны города и государства не дадут результатов. Они лишь стимулируют иждивенческие и потребительские настроения.

Список использованной литературы

Кундиус В.А. Новые научные подходы к развитию кооперации в сельских территориях // Аграрная наука – сельскому хозяйству / сборник статей: в 3 кн. / VIII Международная научно-практическая конференция (6-7 февраля 2013). Барнаул: Изд-во АГАУ, 2013. 532 с.

Леонтьев К.Н. Избранное. М.: «Рарогъ», 1993. 400 с.

Лойко П.Ф. Земельный потенциал мира и России: пути глобализации его использования в XXI веке. М.: Федеральный кадастровый центр «Земля», 2000. 341 с.

Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: Мысль, 1998. 393 с.

Макарычев С.В., Морковкин Г.Г., Колпаков Н.А. и др. Стратегия развития современного аграрного университета. Барнаул: Изд-во АГАУ. 2012. 108 с.

Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4-6.

Национальная идея России. В 6 т. Т.1. М.: Научный эксперт, 2012. 752 с.

Паршев А.П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. М.: «Крымский Мост-9Д», 2000. 410 с.

Решетникова С.А. Развитие практик социальной поддержки сельских молодых семей в Алтайском крае в 2000-2011 гг: Автореф. ... канд социологических наук. Барнаул: АлтГУ, 2012. 26 с.

Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.

Сыщенко А.Г., Сыщенко В.А. Золотые годы сибирской и алтайской кооперации, 1896-1919. Т.1. Барнаул: Изд-во «Алтайпресс». 2003. 344 с.

Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М.: «Экономика», 1989. 496 с.

Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: «Гнозис», 1993. 464 с.

Рецензент статьи: кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра гуманитарного образования Алтайского государственного аграрного университета по науке Т.А. Артамонова.